

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет

Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Михайлова Анастасия Игоревна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА ВОЕННОЙ ПРОЗЫ НА ОСНОВЕ
«СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗОВ» Л.Н. ТОЛСТОГО И «АЛОГО
ЗНАКА ДОБЛЕСТИ» С. КРЕЙНА
(материалы к урокам литературы в 8 классе)**

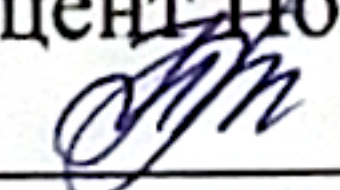
Направление подготовки 44.03.05. Педагогическое образование (с двумя
профилями подготовки)

Направленность образовательной программы Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

заведующий кафедрой

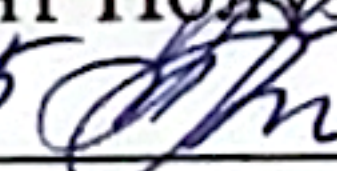
канд. филол. наук, доцент Полуэктова Т.А.

19.05.2025

(дата, подпись)

Руководитель

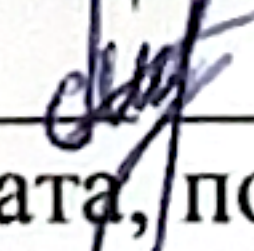
канд. филол. наук, доцент Полуэктова Т.А.

19.05.2025

(дата, подпись)

Дата защиты _____

Обучающийся Михайлова А.И.

20 июня 2025 г.

(дата, подпись)

Оценка отлично

(прописью)

Красноярск 2025

ОТЗЫВ

научного руководителя

канд. филол. наук, доцента Полуэктовой Татьяны Анатольевны

о выпускной квалификационной работе

Михайловой Анастасии Игоревны

на тему «ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА ВОЕННОЙ ПРОЗЫ НА ОСНОВЕ
«СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗОВ» Л.Н. ТОЛСТОГО И «АЛОГО ЗНАКА
ДОБЛЕСТИ» С. КРЕЙНА

(материалы к урокам литературы в 8 классе)»

КГПУ им. В.П. Астафьева

филологический факультет

кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

направление: 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями
подготовки)

направленность (профиль) образовательной программы

«Русский язык и литература»

№	Параметры оценивания	высокая	средняя	слабая	отсутствует
1.	Четкость, логичность структуры работы и изложения материала	+			
2.	Знакомство с основными источниками по теме	+			
3.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
4.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
5.	Достоверность результатов исследования	+			
6.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
7.	Количество и качество анализа художественного материала	+			
8.	Глубина раскрытия темы	+			
9.	Личный вклад в раскрытие темы	+			
10.	Ответственность в отношении к работе	+			

Комментарии научного руководителя

Выбор темы выпускной квалификационной работы был обусловлен интересом Михайловой Анастасии Игоревны к осмыслению трагического опыта войны писателями и вариантам его репрезентации. Выбранный аспект исследования – сравнительно-сопоставительный анализ приемов и способов создания психологизма – традиционен для литературоведения, однако корпус текстов, с которыми работала Анастасия Игоревна, – заслуживает высокой оценки. В отечественном литературоведении отсутствуют обобщающие работы, посвященные выявлению специфики психологизма на уровне персонажа, находящегося в пограничной ситуации, в творчестве Л.Н. Толстого и С. Крейна. Этим и обусловлена научная новизна ВКР.

Безусловным достоинством работы является анализ, в результате которого Анастасия Игоревна приходит к выявлению национальной идентичности каждого из писателей, позволяющей вписать их творчество в литературный контекст эпохи и одновременно продемонстрировать маркерные черты их творчества.

Работа носила системный характер. Михайлова А.И. продемонстрировала высокий уровень умения отбора информации, обобщения и систематизации фактов, выявления закономерностей, аналитические навыки, методические умения, а также ответственность и самостоятельность.

Заслуживает внимания разработанный Анастасией Игоревной урок, успешно прошедший апробацию в МАОУ СШ 149.

ВКР представляет собой сложившуюся научную концепцию. Цель выпускной квалификационной работы обучающимся достигнута.

Исследование имеет перспективу, связанную с научным осмыслением военного опыта в творчестве других писателей первой половины XX века.

Рекомендация научного руководителя

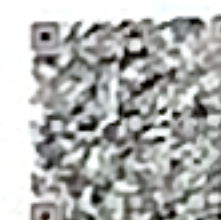
Рекомендую допустить к защите.

Канд. филол. наук, доцент
КГПУ им. В.П. Астафьева

Полуэктова Татьяна Анатольевна

10.06.2025 г.

Отчет о проверке

Автор: Михайлова Анастасия Игоревна

Проверяющий: Михайлова Анастасия Игоревна

Название документа: Михайлова_ВКР

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ

Тариф: FULL

Совпадения:
26,81%

Оригинальность:
60,43%

Цитирования:
12,76%

Самоцитирования:
0%

- 1 «Совпадения», «Цитирования», «Самоцитирования», «Оригинальность» являются отдельными показателями, отображаются в процентах и в сумме дают 100%, что соответствует проверенному тексту документа.
- 1 Проверено: 72,28% текста документа, исключено из проверки: 27,72% текста документа. Разделы, отключенные пользователем: Введение, Выводы, Титульный лист, Библиография, Приложение

- **Совпадения** — фрагменты проверяемого текста, полностью или частично сходные с найденными источниками, за исключением фрагментов, которые система отнесла к цитированию или самоцитированию. Показатель «Совпадения» — это доля фрагментов проверяемого текста, отнесенных к совпадениям, в общем объеме текста.
- **Самоцитирования** — фрагменты проверяемого текста, совпадающие или почти совпадающие с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа. Показатель «Самоцитирования» — это доля фрагментов текста, отнесенных к самоцитированию, в общем объеме текста.
- **Цитирования** — фрагменты проверяемого текста, которые не являются авторскими, но которые система отнесла к корректно оформленным. К цитированиям относятся также шаблонные фразы, библиография; фрагменты текста, найденные модулем поиска «СПС Гарант: нормативно-правовая документация». Показатель «Цитирования» — это доля фрагментов проверяемого текста, отнесенных к цитированию, в общем объеме текста.
- **Текстовое пересечение** — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
- **Источник** — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
- **Оригинальный текст** — фрагменты проверяемого текста, не обнаруженные ни в одном источнике и не отмеченные ни одним из модулей поиска. Показатель «Оригинальность» — это доля фрагментов проверяемого текста, отнесенных к оригинальному тексту, в общем объеме текста.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые совпадения проверяемого документа с проиндексированными в системе источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности совпадений или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

Номер документа: 30

Тип документа: Не указано

Дата проверки: 13.06.2025 12:42:07

Дата корректировки: 13.06.2025 12:47:14

Комментарий: не указано

Количество страниц: 60

Символов в тексте: 94893

Слов в тексте: 12662

Число предложений: 1466

Согласие
на размещение текста выпускной квалификационной работы
обучающегося

В ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева

Я,

Михайлова Анастасия Игоревна,

Разрешаю КГПУ им. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до общего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной образовательной профессиональной программы выпускную квалификационную работу бакалавра

на тему:

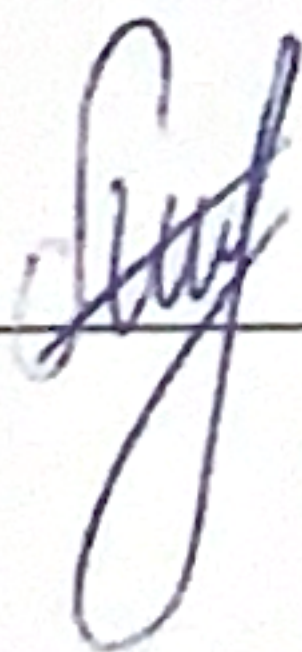
«Поэтика психологизма военной прозы на основе «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого и «Алого знака доблести» С. Крейна (материалы к урокам литературы в 8 классе)»

(далее ВКР) в сети Интернет в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева, расположенной по адресу <http://elib.kspu.ru>, таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на ВКР.

Я подтверждаю, что ВКР написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает прав иных лиц.

16 июня 2025 г.

(дата) (подпись)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Поэтика психологизма военной прозы в русской и американской литературе	7
1.1. Определение психологизма в литературоведении	7
1.2. Поэтика психологизма военной прозы в русской литературе во второй половине XIX века	11
1.3. Поэтика психологизма военной прозы в американской литературе во второй половине XIX века	14
Глава 2. «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого и «Алый знак доблести» С. Крейна: специфика психологизма	18
2.1. Диалоги и внутренний монолог как художественные приемы психологизма	18
2.2. Портрет как средство психологической характеристики в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна	21
2.3. Психологическое значение пейзажа в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна	24
2.4. Художественные детали как прием в создании психологизма в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна	29
Глава 3. Методическая разработка к урокам литературы в 8 классе	33
3.1. Методические подходы учителей русского языка и литературы к работе с понятием «психологизм»	33
3.2. Разработка технологической карты урока по литературе для 8 класса	37
Заключение	49
Список использованных источников	51
Приложения	56

ВВЕДЕНИЕ

Военная проза занимает значимое место в мировой литературе и представляет собой глобальное осмысление исторических событий и нанесенной травмы человеку, оказавшемуся на фронте. Большую и, пожалуй, значительную часть этих произведений занимает описание психологического портрета личности, столкнувшейся с ужасами и правдой войны.

Понятие «военная проза» ассоциируется с лейтенантской прозой XX века, посвященной событиям Великой Отечественной войны. К представителям этого направления относятся: Ю.В. Бондарев («Батальоны просят огня», 1957), В.В. Быков («Журавлиный крик», 1961), В.П. Астафьев («Звездопад», 1961), К.Д. Воробьев («Убиты под Москвой», 1963) и др. Лейтенантская проза – это консолидация писателей фронтового поколения, которые в своих произведениях воплотили душевный опыт, пережитый на Великой Отечественной войне [Лейдерман 2003: 162–164]. В настоящем исследовании к «военной прозе» мы будем относить корпус художественных текстов, авторы которых описали исторические потрясения (Крымская война, Гражданская война в США, русско-турецкая война и др.) сквозь призму моральной борьбы персонажа и его психологического портрета.

Особенно ярко черты психологизма, развивающиеся в военной прозе, проявились в «Севастопольских рассказах» (1855) Л.Н. Толстого (1828–1910), где субъективный опыт раскрывается через описание сложности нравственного выбора и духовную борьбу человека. Подобная тема получает развитие в романе американского писателя С. Крейна (Stephen Crane, 1871–1900) «Алый знак доблести» (*The Red Badge of Courage*, 1894–1895), где на первый план выходит трансформация солдата из дезертира в героя, а Гражданская война становится фоном. Сравнительно-сопоставительный анализ этих произведений позволит выявить особенности психологизма как важного компонента художественного осмысления войны, описания морального испытания человека с точки зрения ментальности.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что психологизм является одним из ведущих аспектов в литературоведении, определяющих глубину и сложность художественного текста, а также тем, что для российской культуры произведения о войне и становлении личности героев в этих обстоятельствах играют важную и особенно созвучную сегодняшнему дню роль.

Новизна исследования определяется сравнительно-сопоставительным анализом произведений Л.Н. Толстого и С. Крейна с акцентом на психологической составляющей и приемах, воплощающих ее.

Материал исследования – «Севастопольские рассказы» (1855) Л.Н. Толстого и роман С. Крейна «Алый знак доблести» (1895).

Объект исследования – поэтика психологизма военной прозы, **предмет** – методы и приемы создания психологизма в исследуемых произведениях.

Цель – выявить и проанализировать специфику поэтики психологизма в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого и в романе С. Крейна «Алый знак доблести», обозначив доминантные национальной идентичности каждого из писателей.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный (анализ произведений и выявление связей между ними), историко-генетический (изучение исторического и биографического контекста произведений), а также метод моделирования (разработка конспекта программного урока по литературе в 8 классе).

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть определение психологизма и его приемы в военной прозе в русской и американской литературе второй половины XIX века;
- 2) выявить точки сопряжения и различия в поэтике психологизма в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого и в романе С. Крейна «Алый знак доблести»;
- 3) определить доминантные черты национальной идентичности Л.Н. Толстого и С. Крейна;

4) разработать конспект урока по литературе на основе проведенного исследования.

Практическая значимость результатов исследования в сфере образования заключается в создании методических рекомендаций для учителя литературы по проведению урока на тему войны и способах ее художественного осмысления. Теоретическая и практическая главы были апробированы в рамках научных конференций разного уровня (доклад и публикация статьи):

1) XIII международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» (Екатеринбург, УрГПУ, 6 декабря 2024 г.);

2) XXXVII ежегодная научная конференция с международным участием «Актуальные проблемы филологии и журналистики» (Нижний Новгород, Институт филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 18 апреля 2025 г.);

3) IX Всероссийская научная студенческая конференция НИУ ВШЭ в секции «Филология. Зарубежная литература» (Нижний Новгород, НИУ ВШЭ, 24 апреля 2025 г.);

4) «Актуальные проблемы современной филологии», посвященная Дню славянской письменности и культуры в рамках XXI международной научно-практической конференции «Молодежь и наука» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 14 мая 2025 г.).

Методическая разработка апробирована путем проведения урока литературы в 8 «А» классе в муниципальном автономном общеобразовательном учреждении «Средняя школа № 149» г. Красноярск 15 мая 2025 г.

Структура работы включает оглавление, введение, теоретическую главу («Поэтика психологизма военной прозы в русской и американской литературе»), практическую главу (««Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого и «Алый знак доблести» С. Крейна: специфика психологизма»),

методическую разработку («Методическая разработка к урокам литературы в 8 классе»), заключение (выводы), список использованных источников и Приложения.

ГЛАВА 1. ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА ВОЕННОЙ ПРОЗЫ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Определение психологизма в литературоведении

История определения «психологизма» схожа с научными исканиями, касающимися других терминов в литературоведении. Еще на ранних этапах в 1920-х гг. в исследованиях этого явления был сделан упор не на теории (что характерно для литературоведения в современном его состоянии), а на способах создания психологизма и его особенностях в творчестве писателей или на месте и роли психологизма в литературе. Можно утверждать, что подход к пониманию психологизма в этот период носил исключительно эмпирический характер [Миколайчик 2014].

Как можно заметить, серьезные исследования этой проблемы появились позже произведений тех писателей, которые считаются по сей день первооткрывателями психологизма как глобального явления. Например, в отечественной литературе первым психологическим романом (на что указывает сам автор в предисловии) считается «Герой нашего времени» (1840) М.Ю. Лермонтова (1814–1841). Стоит отметить, что его прецедентным текстом является «Исповедь сына века» (*La confession d'un enfant du siècle*, 1836) Альфреда де Мюссе (1810–1857). Сопоставление этих текстов целесообразно, так как первоначальная версия заглавия романа М.Ю. Лермонтова «Один из героев нашего века» отсылает к произведению французского писателя. В поэтике также наблюдаются сходства: в обоих романах важной составляющей становится рассуждение о пороках поколения, воплощенное в историях молодых людей: Григория Александровича Печорина и Октава. В американской литературе первым психологическим романом считается magnum opus Натаниэля Готорна (1804–1864) «Алая буква» (*The Scarlet Letter*, 1850) об адюльтере молодой девушки.

Первые попытки в определении психологизма были сделаны Н.Г. Чернышевским (1828–1889) и Д.Н. Овсяннико-Куликовским (1853–1920).

Исследователи отдавали предпочтение понятию «психологический анализ», однако, не давая четких определений этому понятию (если не считать часто цитируемого суждения Н.Г. Чернышевского о психологическом анализе как о «едва ли не самом существенном из качеств, дающих силу творческому таланту») [Чернышевский 1952]. А.П. Скафтымов в «Идеях и формах в творчестве Л. Толстого» (впервые опубликованы в 1929 г. под названием «Диалектика в рисунке Л. Толстого») и «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого» отдает предпочтение словосочетанию «психологический рисунок», под которым понимаются особенности художественного метода того или иного писателя, связанные с изображением психики персонажей [Миколайчик 2014]. Таким образом, термин «психологический рисунок» используется А.П. Скафтымовым как синоним «психологизма».

Более четкие определения психологизма в литературе появились в 1940-е гг. Представляется целесообразным сопоставить словарные статьи. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) дается следующее определение:

ПСИХОЛОГИЗМ, психологизма, мн. нет, м. 1. Направление в идеалистической философии, полагающее в основу всей философии психологию (филос.). 2. Склонность к углубленному изображению, отражению психических переживаний, к сложному и тонкому психологическому анализу (книжн.). *Психологизм в искусстве* [Ушаков 1940].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова (1949) дается несколько иное определение:

ПСИХОЛОГИЗМ, -а, м. Углубленное изображение психических, душевных переживаний. *П. в литературе* [Ожегов 1949].

В обеих трактовках объектом психологизма становится психика или душевные переживания, однако в первом случае это лишь склонность к подобному изображению, во втором – само углубленное изображение.

Эта тенденция, характерная и для 1960-1970-х гг., нашла свое отражение в работах С.Г. Бочарова, Б.И. Бурсова и Л.И. Гинзбург. В определениях вышепредставленных исследователей можно увидеть отголоски исканий их предшественников. С.Г. Бочаров понимал под объектом психологизма «внутренний мир, как нечто само по себе занимающее художника, способное привлечь его самостоятельный и специальный интерес» [Бочаров 1960].

Б.И. Бурсов определил психологизм как воссоздание писателем определенной структуры личности и назвал психологический анализ стержнем мастерства писателя-реалиста [Бурсов 1967: 394], Л.И. Гинзбург понимала психологизм как исследование жизни человека в ее противоречиях и глубоких переживаниях [Гинзбург 1977]. Как видно из приведенных формулировок, эти определения сходны с теми, которые предлагались в толковых словарях русского языка, и носили преимущественно эмпирический характер [Миколайчик 2014].

Началом теоретических исканий в сфере проблемы психологизма послужила статья А. Иезуитова «Проблема психологизма в эстетике и литературе», которая вышла в 1970 г. и где разведены понятия «психологизм» и «психологический анализ». А. Иезуитов выделяет три значения понятия психологизма: во-первых, психологизм как «родовой признак искусства слова, его органичное свойство, свидетельство художественности», «предмет искусства», во-вторых, психологизм как «результат художественного творчества», выражение и отражение психологии самого автора, его персонажей и, шире, – общественной психологии (класса, сословия, социальной группы, эпохи и т.д.) и, в-третьих, психологизм как сознательный эстетический принцип, «целенаправленная разработка способов и форм воплощения и раскрытия» психологии человека. А. Иезуитов под «психологическим анализом» понимал способы и формы воплощения и раскрытия психологии человека.

В целом, в отечественном литературоведении накопился целый массив достаточно противоречивых терминов и понятий по проблеме психологизма («психологизм», «психологический анализ», «психологический рисунок», «психологическое изображение», «психологичность»), при этом в одни и те же термины разные исследователи часто вкладывают разный смысл. В то же время можно говорить о том, что большинство литературоведов понимают под психологизмом (который также называют литературным или художественным) изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя, отличающееся подробностью и глубиной. Именно такая трактовка данного термина представлена в работах С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбург, А.Б. Есина, Г.Н. Пospelова.

В понятии «психологизм», как следует из приведенного выше определения, сочетаются два взаимосвязанных аспекта: внутренний мир героя, с одной стороны, и средства художественной литературы, с другой, которые выступают в данном случае как объект и художественные средства психологизма соответственно. А поскольку «внутренний мир» героя – это, конечно же, не что иное, как его психика, художественный психологизм следует трактовать как междисциплинарное понятие, которое одной своей стороной (объектом) погружено в психологию, а другой (художественными средствами выражения и изображения этого объекта) – в литературоведение. В связи с этим к исследованию психологизма, как уже отмечалось некоторыми литературоведами, необходимо привлекать понятия и концепции как литературоведения, так и психологии.

Определяя место психологизма в общей системе литературоведческих понятий и категорий, необходимо отметить, что, поскольку психологизм представляет собой изображение внутреннего мира персонажей, а образы персонажей, в свою очередь, в литературоведении принято относить к такой стороне художественной формы, как предметная изобразительность, или, как ее называет А.Б. Есин, изображенный мир, психологизм является особым качеством художественной формы [Есин 2008: 86]. При этом в некоторых

произведениях (психологических романах и т.п.) психологизм может становиться стилевой доминантой. В этом случае не только образы персонажей, но и все остальные элементы художественной формы подчиняются доминанте психологизма, складываясь в эстетическое единство.

Определение психологизма претерпело глобальные изменения, пройдя путь от набора конкретных литературных средств, используемых писателем при создании системы образов в произведении, до более широкого понимания как сознательного эстетического принципа и предмета искусства. Таким образом, исследования психологизма от эмпирических перешли к теоретическим, определение стало носить практически межпредметный характер, будучи смежным с психологией на понятийном уровне.

1.2. Поэтика психологизма военной прозы в русской литературе во второй половине XIX века

Военная проза второй половины XIX века в русской литературе является одним из важных направлений. В произведениях, относящихся к этому направлению, чаще всего отражались реалии военного быта, были описаны эпизоды из жизни офицеров, что имеет социологическое объяснение (русские классики, в своем большинстве, происходили из дворянского рода и имели офицерский чин), отрицательные стороны бюрократии, погоня за подвигом и славой как одна из проблем современного писателям поколения, а также выраженное тяготение к психологизму – описанию переживаний и страданий солдат на войне.

В этом ряду выделяются два представителя: В.М. Гаршин (1855–1888), участник русско-турецкой войны (1877–1878), и Л.Н. Толстой (1828–1910), участник Крымской войны (1853–1856), заставший осаду Севастополя. В произведениях обоих авторов громко звучит гуманистический антимилитаристский пафос, сцены сражений наделены чертами натурализма, герои часто сталкиваются с проблемой морального выбора, страхом и болью. Среди текстов В.М. Гаршина можно отметить рассказ «Четыре дня» 1877 г.

(первоначальный заголовок «Один из эпизодов войны»), в котором повествование идет от первого лица – рядового Иванова, принимающего участие в русско-турецкой войне (1877–1878). Литературный дебют писателя обратил внимание многих исследователей и современников на талант В.М. Гаршина. И.С. Тургенев назвал молодого автора продолжателем «славы Достоевского и Толстого» [Федотов 2012]. В рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» 1880 г. описаны тяготы походной солдатской жизни.

В автобиографических произведениях Л.Н. Толстого, в частности в «Севастопольских рассказах», обнаруживаются исторические аналогии – писатель упоминает события прошлого при характеристике настоящего. Однако из прошлого отбираются те самые моменты, которые «потеряли значение» и утратили содержание. Упоминания о Наполеоне в «Севастополе в мае» служат дискредитации и «великого» полководца, и его ничтожных последователей: *«...всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтобы получить лишнюю звездочку или треть жалованья»* [Толстой 2020: 70]. История в текстах Л.Н. Толстого – набор пустых фраз и ложной героики; в мире мельчайших событий глобальные явления лишены свойственной им масштабности [Сорочан 2015: 235].

Творчество Л.Н. Толстого – высшая точка аналитического, объясняющего психологизма XIX века, все его особенности выразились в «Севастопольских рассказах» с предельной мощью и с той последовательностью, которая означает не нарастание, не развитие предшествующего, но переворот. Творения писателя являются поэтому единственным в своем роде материалом для постановки теоретических вопросов художественного психологизма. Одно из основополагающих открытий Л.Н. Толстого – это открытие нового отношения между текущим и устойчивым началом душевной жизни [Гинзбург 1977: 271].

В военных повестях Л.Н. Толстого подробно описан психический процесс возникновения мыслей, что выполнено лучше, чем в «Герое нашего

времени» у М.Ю. Лермонтова, по мнению Н.Г. Чернышевского. В «Севастопольских рассказах» упор сделан на описании картин и сцен, ожиданий и опасений, проносящихся в мысли его действующих лиц. Например, это изображение того, что переживает человек в минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потом в минуту последнего сотрясения от этого удара. Русский литературный критик считал это изображение внутреннего монолога «удивительным»: *«Ни у кого другого из наших писателей не найдете вы психических сцен, подмеченных с этой точки зрения. И, по нашему мнению, та сторона таланта графа Толстого, которая дает ему возможность уловлять эти психические монологи, составляет в его таланте особенную, только ему свойственную силу»* [Чернышевский 1952]. Особенность таланта Л.Н. Толстого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует процесс и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и разнообразием. Н.Г. Чернышевский также отмечал чистоту нравственного чувства в военных повестях русского классика: *«Никогда общественная нравственность не достигала такого высокого уровня, как в наше благородное время, – благородное и прекрасное, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы свои напрягает оно, чтобы омыться и очиститься от наследных грехов»* [Чернышевский 1952]. В текстах графа Л.Н. Толстого нравственное чувство выражено сильнее, чем в произведениях других писателей. Оно воплощается и с помощью изображения рефлексии и жизненного опыта, сохраняя в себе юношескую непосредственность и свежесть мысли.

Военная проза в русской литературе во второй половине XIX века сыграла важную роль в развитии реалистической традиции. В это время писатели делали акцент на изображении психологии солдата, его внутренних противоречий и страхов перед ужасами войны. В произведениях этого направления развивается антимилитаристский пафос, а также критика в адрес

войны и любого проявления насилия. Осмысление исторических событий как важной вехи эпохи отходит на второй план, теперь все внимание уделено человеку и его моральному выбору в жестоких условиях кровавых сражений. Часто встречается отрицательное отношение автора к романтической идее войны как возможности совершить подвиг, подчеркнута бессмысленной войны и ее беспощадность. Военная проза становится важным этическим и философским высказыванием участников боевых действий о судьбе солдат и их личных трагедиях. Одновременно с этим развивается глубокий аналитический психологизм, основы которого будут заложены в лейтенантской прозе XX века.

1.3. Поэтика психологизма военной прозы в американской литературе во второй половине XIX века

Если в русской военной прозе большая часть текстов была посвящена осмыслению Крымской войны (1853–1856), Отечественной войны (1812), а также кавказских и турецких кампаний, то в американской литературе второй половины XIX века в большей степени представлена рефлексия событий Гражданской войны в США (1861–1865), которая стала глобальной американской травмой. В это же время происходит психологическая перестройка Юга, осмысление собственной вины и переход к новой этике.

В первую очередь, говоря о поэзии, к ключевым представителям этого направления в американской литературе можно отнести Уолта Уитмена (1819–1892) – известного поэта, в чьих произведениях подчеркнут гуманизм и сострадание. Писатель принял участие в Гражданской войне на должности санитар и отразил свой опыт в «Образцах дней» (*Specimen Days*, 1882), где описал трудовые будни в госпитале и страдания раненых. В этом же ряду писателей можно выделить творчество Эмброуза Бирса (1842–1914), который участвовал в Гражданской войне как офицер. В его произведениях, например, в «Что я видел при Шайло» (*What I Saw of Shiloh*, 1881), в «Инциденте на мосту через Совиный Ручей» (*An Occurrence at Owl Creek*

Bridge, 1890) (рассказ, ставший классикой американской литературы), в сборнике военных рассказов «В гуще жизни» (*Tales of Soldiers and Civilians*, 1891), выражен мрачный тон повествования, черты сюрреализма и горькой иронии. Его достижение заключается в описании абсурдности и жестокости войны. За прямолинейность Эмброуз Бирс получил прозвище «Беспощадный Бирс» (*Bitter Bierce*). Стоит упомянуть еще одного писателя, служившего во времена войны в чине офицера. Джон Уильям Де Форест (1826–1906) написал первый роман о войне Юга и Севера «Мисс Равенел уходит к северянам» (*Miss Ravenel's Conversion from Secession to Loyalty*, 1867), в котором патриотический дух сочетается с критическим взглядом на войну как на трагедию. Писатель создает изображения кровавых сражений, чтобы противопоставить романтической идее о подвиге реальную жестокость войны. Важный вклад в развитие военной прозы был внесен и Луизой Мэй Олкотт (1832–1888), которая описала собственный опыт медсестры в военном госпитале в цикле очерков «Больничные записки» (*Hospital Sketches*, 1867). Искренний и сочувствующий взгляд женщины на раненых солдат и описание труда женщин медиков произвели сильное впечатление на критику. Все перечисленные писатели выступали на стороне Союза (Севера).

Для военной прозы этого времени характерен антимилитаристский пафос, демократический характер и ярко-выраженный психологизм, а также освобождение от английской традиции. Обновление американской литературы было связано с развитием натурализма и реализма. Развитие натурализма в Америке связывают с творчеством четырех американских писателей: Хэмлина Гарленда, Стивена Крейна, Фрэнка Норриса и Теодора Драйзера. Иногда к ним причисляют Джека Лондона и Элтона Синклера. Вместе с тем всех этих писателей характеризуют также как реалистов. Это происходит потому, что «развитие натурализма в США совпало с развитием реализма и стало частью процесса обновления американской литературы, освобождения ее от влияния новоанглийской школы изысканной традиции».

Зачастую натурализм рассматривается как крайняя степень выражения реализма [Пинчукова 2019].

Говоря о военной прозе американской литературы, нельзя не упомянуть творчество Л.Н. Толстого, которое в значительной степени повлияло на поэтику прозаических текстов зарубежных писателей. В 1869 г. Ю. Скайлер, американский писатель и посол США в Греции, в обзоре русской литературы для журнала «Атенеум» (*The Athenaeum*) опубликовал собственный перевод «Войны и мира». В 1878 г. в США вышла первая книга Л.Н. Толстого в переводе Скайлера — повесть «Казачьи», в предисловии к которой американский славист подчеркивал «глубокий реализм» (*intense realism*) русского классика. В 1886 г. выпускник Гарварда Н.Х. Доул перевел «Анну Каренину», о чем сообщил Л.Н. Толстому в почтительном письме. В том же году в США вышли переводы трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Войны и мира», однако первые переводы были сделаны с французского языка [Бутенина 2016]. Так Стивен Крейн познакомился с «Севастопольскими рассказами» в 1888 г.

Стивен Крейн, написавший «Алый знак доблести» в 1894–1895 гг., осмыслился современниками (Г. Уэллс, Д. Конрад) как писатель нового типа, дерзкий новатор, поднимавший неудобные темы: трусость солдата на войне, дезертирство, сниженный патриотический пафос, отсутствие обвинений в сторону Юга и т.д. [Топорова 1978: 169–170]. Джон Берримен, американский поэт, признавал Крейна как исследователя человеческой души, а повествование в его романе «Алый знак доблести» называл стремительным и нервным: «*The first, 'flexible, swift, abrupt and nervous', is best exemplified in 'The Red Badge of Courage'»* [Berryman 2001].

Важно отметить, что создатель романа о рядовом новобранце в условиях Гражданской войны не имел военного опыта и опирался на мемуары участников событий. Глубокий психологизм раскрывает процесс обретения мужества, переход от наивной мечты о доблестном подвиге на театре войны до обретения стойкости. Роман С. Крейна предвосхищает

военную тему в творчестве писателей «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон и др.), усиливающих трагизм положения солдата, вернувшегося с поля боя. Э. Хемингуэй считал это произведение одной из лучших книг американской литературы и целиком включил в свою антологию «Люди на войне» (*Men at War*, 1942) [Засурский 1990: 197–200].

Военная проза в американской литературе во второй половине XIX века в основном была посвящена осмыслению событий Гражданской войны. В произведениях этого направления писатели считали важным передать весь ужас, беспощадность и бессмысленность войны. Некоторые тексты отражали личный опыт, так как многие авторы были участниками сражений или несли службу в госпитале. В военной прозе этого периода писатели отходят от романтической идеи войны и стремятся к изображению мрачной картины кровавых сражений. Позже эти темы будут развиты в XX веке в произведениях писателей «потерянного поколения». О влиянии С. Крейна на поэтику военной прозы неоднократно упоминал Э. Хемингуэй, в том числе, осмысляя влияние «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого на пути творческих исканий [Анастасьев 2015: 286–287]. В текстах этих писателей будут унаследованы антимилитаристский пафос и глубокий психологический анализ мышления человека, травмированного на войне.

ГЛАВА 2. «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» Л.Н. ТОЛСТОГО И «АЛЫЙ ЗНАК ДОБЛЕСТИ» С. КРЕЙНА: СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЗМА

2.1. Диалоги и внутренний монолог как художественные приемы психологизма

Для прозы повествовательного типа характерно описание персонажей лиц сквозь призму рассказчика с учетом требований сюжета. Л.Н. Толстой иначе строит повествование, он не рассказывает, не строит сюжетную линию, а сразу погружает персонажа в центр событий, не давая его предысторию. Однако описание все равно находит свое воплощение, оно выражено с помощью наблюдений внешних – диалогов, а также внутренних монологов героев.

Для Л.Н. Толстого характерен аналитизм, в севастопольских очерках ярко проявлен анализ, поэтому о героях мы узнаем сквозь призму их собственных переживаний. Большую часть этих монологов занимают размышления о подвиге, о котором так мечтало и грезило большинство офицеров: *«Володя с минуту остолбенел, увидав, как труп ударился на вершину бруствера и потом медленно скатился оттуда в канаву; но, на его счастье, тут же начальник бастиона встретился ему»* [Толстой 2020: 33]. К этому же многочисленному ряду героев относится и Володя.

Для Козельцова младшего все предельно очевидно, он берет пример со старшего брата, Михаила Козельцова, отважного и честного поручика. Наблюдая за ранеными ползающими французами, он радуется победе, а когда наступает пора зачистки после боя, вид падающего трупа заставляет Володю замедлиться лишь на секунду: *«Володя с минуту остолбенел, увидав, как труп ударился на вершину бруствера и потом медленно скатился оттуда в канаву; но, на его счастье, тут же начальник бастиона встретился ему»* [Толстой 2020: 137]. Юноша ненадолго задерживает взгляд

на этом ужасе войны и вновь погружается в повседневные тяготы военного бытия, все еще мечтая о подвиге.

Володя изначально представлен в тексте как настоящий солдат, грезящий погибнуть на поле боя, принимающий смерть за Родину с достоинством. Если у героя и возникает чувство страха, оно моментально рассеивается, внутренний монолог прерывается появлением товарища или мгновенным возвращением в реальность, где царит привычный для офицеров военный быт: *«Минут через десять солдатики поосмелились и поразговорились»* [Толстой 2020: 137].

Володя забывает об ужасах войны и бросается в сражение, даже если количество противников во многом превосходит, но он так же мгновенно погибает, не успев осознать совершение подвига, не успев испытать «невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело». Братья Козельцовы умирают как эпические герои. В едином микроцикле посмертно пересекаются их судьбы [Масолова 2016].

Герои Л.Н. Толстого закаляются в сражении, не бегут с поля боя, наоборот, воодушевляются и готовы умереть за родину. Даже трусливый Вланг, умолявший Володю не покидать блиндаж, в битве становится отважным героем: *«и Вланга, схватившего вдруг в руки хандишуги с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперед»* [Толстой 2020: 150].

Иначе же сражение влияет на героя С. Крейна – Генри, который бежит с поля боя, испытав ужас от увиденной смертельной опасности. Наблюдая за текучестью сознания Флеминга, которая поддерживается документальностью в описании батальных сцен и диалогов, мы приходим к выводу, что С. Крейн усиливает психологизм, черты которого обнаруживаются и у Л.Н. Толстого. Володя тоже боится, волнуется, но его монологи не занимают все художественное пространство, он переступает через себя, рвется в бой тут же, как только видит такого же трусливого юнкера: *«Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера*

возбудил его. *«Неужели я могу быть похож на него?» – подумал он и весело подбежал к брустверу»* [Толстой 2020: 151]. Другие же герои спокойно принимают смерть, ведь для них, как для офицеров, честь и долг превыше всего.

По-разному писатели описывают способы преодоления главными героями душевного кризиса. У С. Крейна Генри Флеминг после разговора с однополчанами находит утешение в том, что не он один испытывает чувство страха [Анцыферова 2002]. Толстовский Володя, по наитию, находит облегчение от душевной смуты в молитве: *«Детская, запуганная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела, и увидела новые, обширные, светлые горизонты <...> Да, ты не уставал слушать мольбы детей твоих, ниспосылаешь им везде ангела-утешителя, владавиего в душу терпение, чувство долга и отраду надежды»* [Толстой 2020: 116].

Разница в глубине переживаний двух разных героев может быть объяснена тем, что Л.Н. Толстой создает цикл рассказов, участвуя в Крымской войне. События нескольких дней пропущены через призму сознания самого автора: в ноябре 1854 г. он получил долгожданное назначение в осажденный Севастополь [Более подробно об этом см. Полуэктова 2021]. Л.Н. Толстой осмысляет войну как офицер, когда же американский писатель главным героем делает рядового солдата, родившегося на ферме и чуть не ставшего дезертиром. Однако С. Крейн находится на достаточной дистанции, как от событий Гражданской войны, так и от «Севастопольских рассказов», которые когда-то его вдохновили и подсказали пути творческих исканий.

Благодаря глубокому психологизму и обращению к натурализму, С. Крейн создает пугающую картину военных действий, не стесняясь говорить на такие *неудобные* темы, как дезертирство и трусость, что было неоднозначно воспринято критикой еще при жизни писателя [Панова 2017: 507].

И все же не стоит игнорировать тот факт, что, в конце концов, Володя Козельцов погибает, внезапно и неожиданно для товарищей, а дезертир Флеминг возвращается на поле боя и в полубезумстве готов сражаться дальше, однако закаляет его не сражение, а травма, нанесенная другим таким же дезертиром, как и он сам.

В этих двух текстах сурово звучит одна истина – война бессмысленна и беспощадна: герой умирает, трус становится на его место, переосмысляя пережитое: *«Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать»* [Толстой 2020: 25].

2.2. Портрет как средство психологической характеристики в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна

При характеристике портретов в «Севастопольских рассказах» важно учесть ментальность персонажей. Герои Л.Н. Толстого воспринимают смерть в традиции русского склада сознания, относясь к ней как к естественному итогу земной жизни, как к долгу, что особенно характерно для офицерского состава. Это позволяет нам установить, что все портреты в севастопольском цикле оказываются объединены православным чувством соборности.

Внимание Л.Н. Толстого сосредоточено на описании жизни и быта офицеров, хотя их образы эпизодичны. Они лишены искренности и естественности, для них характерен пафос, слепая вера в себя и собственные силы, а также романтизация войны и подвига. Офицерский состав одержим идеей получения высшего звания, медали или ордена [Масолова 2016].

Такое видение служащих высших чинов связано с предчувствием надвигающейся трагедии, катастрофы, которая принесет поражение и крупные потери. Л.Н. Толстой создает глубокий и нравственный анализ, описывая слабые стороны и заблуждения современного ему поколения. Офицеры, которые еще нравственно не созрели, гибнут на поле боя или оказываются в ситуации смертельной угрозы. Слепая вера в победу и подвиг

приводит их к трагедии, тщеславие проходит испытание войной. Однако некоторым героям удастся побороть собственный эгоизм и встать на истинный путь. Например, Праскухин во время обстрела испытывает чувство стыда, ощущает страх в смертельную для себя минуту, переживает истинный катарсис, когда умирает: *«Ужас – холодный, исключаящий все другие мысли и чувства ужас – объял все существо его; он закрыл лицо руками и упал на колена»* [Толстой 2020: 65]. То же самое духовное перерождение случается со штабс-капитаном Михайловым, который был вместе с Праскухиным. Пережив смерть товарища, чей труп он видел собственными глазами, даже на свое ранение он смотрит с долей иронии: *«Михайлов остановился на минуту в нерешительности <...> вспомнилась ему сцена <...> офицер с маленькой царапиной на руке пришел перевязываться, и доктора улыбались, глядя на него <...> может быть, так же недоверчиво улыбнутся моей ране, да еще скажут что-нибудь»* [Толстой 2020: 67].

Источником для победы над тщеславием становится «диалектика души», исследуемая Л.Н. Толстым, он ищет в каждом портрете тот духовный резерв, который способен противостоять тщеславию [Галаган 1961: 806].

С. Крейн иначе подходит к портретной характеристике. Он изображает не офицерский чин, а простых рядовых солдат, которых, по большей части, командование использует как «пушечное мясо», чтобы отвлечь врага, совершить важный маневр или успеть самим покинуть горячую точку. По этой причине все солдаты, окружающие Генри Флеминга, предстают как серая и обезличенная масса, которая не может осознать смысл своего существования на фронте: *«Никто, казалось, уже не помнил о цели похода. Бригады дружно хихикали, полки гоготали»* [Крейн 1989: 20]. Участники похода еще не осознают предстоящий ужас, обмениваются байками, анекдотами, поют песни и мечтают поскорее оказаться в сражении.

Главным героем романа становится юноша, выросший на ферме, которому предстоит пройти самые страшные потрясения, из-за чего он всегда будет пребывать в страхе. Генри находится в ужасном состоянии надрыва

еще и потому, что становится дезертиром. После первого боя новобранцу удается преодолеть себя, он принимает активное участие, забыв обо всем и ощущая себя частью чего-то большого. Однако уже во втором, гораздо более ожесточенном сражении, Генри Флеминг показывает свою трусость. Вид бегущих с поля боя солдат вызывает у него ужас, он не выдерживает и бежит в сторону тыла: *«взвыл от страха и закружился на одном месте... гибель грозила отовсюду <...> огромными прыжками помчался в сторону тыла»* [Крейн 1989: 42].

Вскоре он сталкивается с окровавленной толпой раненых. Сцена насыщена мрачными тонами и описаниями мук солдат: *«Они ругались, стонали, вскрикивали <...> у какого-то раненого башмак был полон крови. Он прыгал на одной ноге»* [Крейн 1989: 53]. Эта встреча внушает Флемингу еще бóльший страх.

Крайне важным становится знакомство дезертира с «оборванным» солдатом, безымянным образом, который выступает монументальным воплощением правды войны. Он сам подходит к Генри Флемингу и затевает разговор, предаваясь воспоминаниям, из которых мы узнаем, что он так же бежал с поля боя и испугался полученных травм. За все время сражений солдат получил несколько ранений: *«с ног до головы в пыли, запекшейся крови и пороховой гари <...> голова была у него обмотана окровавленной тряпкой, простреленная рука висела, как сломанная ветка»* [Крейн 1989: 54]. Тем не менее неизвестный боец не просит жалости, не ищет утешения, не хвастается увечьями. В своем рассказе он все посвящает своим однополчанам, восхищаясь их храбростью и прославляя их. Эта встреча была бы не столь важна, если бы «оборванный» солдат не спросил Генри, куда тот ранен. Проблема состоит в том, что Флеминг, бежавший при первой возможности с поля боя, отделался легким испугом и не получил даже малейшую ссадину. Озвученный вопрос наводит ужас на главного героя, он впадает в панику, теряется в собственных мыслях, боится осуждения: *«юноше начало мерещиться, что все узнают его позор»* [Крейн 1989: 57].

После этого двое сталкиваются с Джимом Конклином, другом Генри, который трагично умирает у них на глазах. Флеминг впадает в полное отчаяние, бросает, предает «оборванного» солдата и снова сбегает (совершает двойное предательство), но в этот раз уже на поле битвы, а не в тыл.

С. Крейн, подобно Э. Бирсу, беспощаден в характеристике армии. Он прямо говорит о трусости многих солдат и дезертирах, обрекает тех, кто слепо верит в победу и отвагу, на гибель. Выживает тот, кто дважды совершил предательство и прошел духовное перерождение. В этом и есть вся несправедливость войны и ее ужас, когда наивные и отважные солдаты умирают, а трусы, пройдя через ряд смертельных и тяжелых, с моральной точки зрения, испытаний, выживают и становятся примером для товарищей, бросаясь в сражение.

2.3. Психологическое значение пейзажа в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна

«Севастопольские рассказы», которые по жанру крайне близки к публицистическим очеркам, тематически связаны, их объединяет общий сюжет – оборона Севастополя в разные временные периоды (окончилась капитуляцией), в которой принимал участие сам Л.Н. Толстой. Повествование, от одного рассказа к другому, неминуемо приходит к трагическому финалу, где писатель подчеркивает неподготовленность офицеров к национальной обороне [Галаган 1961: 804–805].

«Севастополь в декабре месяце» (выросший из замысла «Севастополь днем и ночью») охватывает события одного дня. «Севастополь в мае» освещает жизнь двух дней севастопольской обороны. «Севастополь в августе» дает трагическую картину двух последних дней защиты города [Галаган 1961: 800].

Панорама обнаруживается в творчестве Л.Н. Толстого не только в романе-эпосе «Война и мир», где она занимает достаточно места, позволяя

читателю увидеть батальную сцену глазами героев (Наполеон, наблюдающий за ходом сражения, Болконский, разглядывающий небо Аустерлица и др.), но и в севастопольском цикле.

Проведя читателя первого рассказа «Севастополь в декабре месяце» с Северной стороны, через переправу, на Графскую пристань и набережную, в госпиталь в здании Благородного собрания – «дом страданий», в трактир, «чтобы послушать толки моряков и офицеров», автор переходит к панораме бастионов, особо останавливаясь на четвертом. В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» штурму Малахова кургана посвящена небольшая глава. Она построена следующим образом: третью часть текста занимает панорама Севастополя – «красивого, праздничного, гордого» [Толстой 2020: 143]; более сжато описан сам штурм; здесь же – краткие реплики русских морских офицеров, наблюдавших штурм с Телеграфной горы.

Глубокий трагизм исторического события подчеркнут контрастом описаний: *«Темные пятна, темные полосы, черные точки двигались к бастионам ближе и ближе, дым сливался в лиловатое облако; и когда все звуки соединились в один перекатывающийся треск <...> французское (знамя) на Малаховом»* [Толстой 2020: 145].

В «Севастополе в августе 1855 года» панорама представлена иначе. Здесь мы видим войну живыми и зоркими глазами юного новобранца. Володя Козельцов с жадностью рассматривает просторы Севастополя, мечтая поскорее оказаться в гуще событий, в потоке истории, чтобы непременно совершить доблестный подвиг: *«Володя без малейшего содрогания увидал это страшное место, про которое он так много думал; напротив, он с эстетическим наслаждением и героическим чувством самодовольства, что вот и он через полчаса будет там»* [Толстой 2020: 99].

Л.Н. Толстой сам дает читателю ключ к своей Севастопольской трилогии: правда войны – «не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы

ничего не поняли»; она «в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя» [Щербакова 2023].

В «Алом знаке доблести» также разворачивается военная панорама, но с упором на то, что предбоевая обстановка вызывает тревогу у Флеминга, его более не чарует, не завораживает романтика войны, он боится внезапного нападения врага: *«Пламя костров окрашивало воду в винно-багряные тона. Его лучи, освещая движущиеся колонны, вдруг загорались то там, то тут золотым или серебряным блеском. На противоположном берегу волнистые контуры темных таинственных холмов исчертили небо <...> Он настороженно вглядывался в темноту»* [Крейн 1989: 20]. Запала юного Генри хватило только на то, чтобы вступить в армию северян, однако, оказавшись в гуще событий, новобранец проявляет трусость.

Как известно, натурализм в «Севастопольских рассказах» играет определяющую роль. Подробное описание трупов, увечий, инвалидов, толп раненых и других нелицеприятных, но столь правдивых эпизодов войны подчеркивает ее бессмысленность и беспощадность, обнажает суровую правду. Важным становится в этом смысле «Севастополь в декабре месяце» где Л.Н. Толстой описывает тяжелораненых солдат, находящихся в госпитале, а также труд медицинских работников: *«Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас»* [Толстой 2020: 10]. Вклад писателя в военную прозу неоценим, ведь он одним из первых написал о военно-полевых врачах. Натуралистические сцены нередко ввергают героев в ужас, испытывают их дух, ставя перед выбором: продолжить сражаться, пойдя на подвиг, или сбежать, смирившись с клеймом труса и предателя.

Ни в этих, ни в других воспоминаниях очевидцев не найдем того, чем потрясает описание Л.Н. Толстого. Автор «Севастополя в декабре» преподносит читателю, которого он привел в «дом страданий», запах, стоны, потрясающие душу зрелища; но дурному чувству, которое поражает, верить

нельзя, страдальцам необходимы слова любви и участия. И вот целая гамма, широкий диапазон внутренних ощущений и душевных переживаний: сначала страх оскорбить несчастных, глубокое сочувствие, затем высокое уважение и, наконец, сознание своего ничтожества: с которым спокойно, без нерешимости они пойдут на бастионы, т.е. на смерть.

В «Севастополе в мае» испытание «домом страданий» не выдерживает князь Гальцин: *«вошел в первую комнату, взглянул и тотчас же невольно повернулся назад и выбежал на улицу. Это было слишком ужасно!»* [Толстой 2020: 49].

«Лужи крови, видны на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели свечи на различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате» [Толстой 2020: 49]. Здесь Л.Н. Толстой подробно описывает деятельное практическое участие сестер милосердия, мрачные лица и засученные рукава докторов. Именно это описание было высоко оценено критиками, так как ранее такое детальное внимание не уделялось труду военно-полевых врачей и медсестер [Щербакова 2023].

Тот же натурализм сыграл важную роль в становлении реалистического направления в литературе США. Натурализм – художественный метод, для которого характерно стремление к внешнему правдоподобию деталей, изображению единичных явлений без обобщения и типизации. Развитие натурализма в Америке связывают с творчеством четырех американских писателей: Хэмлина Гарленда, Стивена Крейна, Фрэнка Норриса и Теодора Драйзера.

В качестве характерных черт натурализма Паррингтон, американский историк литературы, выделяет следующие: 1) объективность; 2) откровенность: отрицание викторианской сдержанности и необходимость изучать самые основные инстинкты человека (страх, голод, половое

влечение). Последний из них стал основным в жизни современного человека, поэтому натурализм ставит его во главу угла; 3) отказ от моральных оценок: «Натуралист – не судья, он не исходит из каких-либо этических норм»; 4) использование философии детерминизма (упор на социологические проблемы, исследование наследственности и среды, фатализм); 5) склонность к пессимизму, отрицательное отношение к жизни; 6) выбор героев, развитых физически и слабо развитых умственно, с невротическим темпераментом; создание образа сильной личности со сломленной волей [Пинчукова 2018: 63–64]. Все эти черты обнаруживаются в романе американского писателя.

Объективность и откровенность характерна для Эмброуза Бирса, который прославился за счет этого и был прозван «беспощадным». Его главные рассказы о Гражданской войне выходят в начале 90-х гг. XIX в., поэтому можно выразить предположение, что именно его поэтика будет унаследована С. Крейном, который в «Алом знаке доблести» изобразил слабые стороны американской армии и развил тему дезертирства. Возвращаясь к чертам натурализма, выделенным Паррингтоном, можно увидеть, что С. Крейн выбрал героя согласно этому художественному методу. Хотя Генри развит и физически, и умственно в пределах нормы, его темперамент тяготеет к невротическому, о чем говорит импульсивность его поступков и быстрая перемена настроения: *«Думая об однопольчанах, юноша, в зависимости от расположения духа, все время колебался между двумя крайностями. порою он склонялся к мысли, что все они герои <...> Потом настроение у него менялось, он издевался над собой за такие мысли и убеждал себя, что, кого ни возьми, все в душе тревожатся и трусят»* [Крейн 1989: 17].

Пейзаж в романе С. Крейна мрачен, полон кровавых цветов, природа безразлична к героям, равнодушна к их страданиям, а все солдаты, включая даже Генри Флеминга, сливаются в безликую массу, раскинутую по полю сражения: *«В сумерки колонна войск, разбиившись на полки, встала на отдых*

в поле. Оно мгновенно покрылось палатками, точно невиданными растениями. Огни костров, алые редкостные цветы, испестрили ночь» [Крейн 1989: 20]. Эту массу писатель сравнивает с роем пчел, который озабочен какими-то пустыми мелочами: *«Вверх по откосу уже двигались другие полки. Построившись в боевой порядок, бригада после короткой заминки зашагала по лесу вслед за пикетчиками, которые то исчезали из виду, то вновь появлялись уже намного дальше. При этом они все время были чем-то очень заняты, напоминая пчел, озабоченных своими маленькими распрями»* [Крейн 1989: 26].

Л.Н. Толстой и С. Крейн создают правдоподобную и натуралистичную картину военных действий, однако в романе американского писателя в большей степени проявляется тяготение к психологизму.

2.4. Художественные детали как прием в создании психологизма в произведениях Л.Н. Толстого и С. Крейна

Художественные детали в «Севастопольских рассказах» и «Алом знаке доблести» играют ключевую роль в глубинном психологическом анализе поведения человека, они раскрывают внутренний мир героев, обличают героический пафос и способствуют раскрытию темы нравственного выбора, а также участвуют в создании документального и достоверного образа войны.

Важной деталью в анализируемых текстах становится солнце, являющееся символом трагедии, реже – надежды.

В финале первого рассказа «Севастополь в декабре месяце» намечено какое-то страшное предзнаменование: солнце вдруг освещает багряным светом лиловые тучи и белые строения города. Этому цветовому контрасту вторит контраст звуковой: *«По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им»* [Толстой 2020: 25]. Возникает тревожное предчувствие надвигающейся трагедии.

В рассказе «Севастополь в мае» на том же месте *«на бульваре, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщин празднично двигались по дорожкам»* [Толстой 2020: 27], солнце одинаково радостно светило всем, оставляя за каждым понимание того, что война является преступлением против этой прекрасной и мирной жизни. И в то же время *«тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи – успокоиться в объятиях смерти»* [Толстой 2020: 26]. Солнце *«спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светило серебряным блеском»* [Толстой 2020: 27].

Иначе создана Толстым в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» панорама Севастополя, окруженного *«с одной стороны желтыми дымящимися горами, с другой – ярко-синим, играющим на солнце морем»* [Толстой 2020: 143]. Город все тот же: недостроенная церковь, колоннада, набережная, бульвар, изящное строение библиотеки, бухточки, живописные арки водопроводов. О войне свидетельствуют клубки белого дыма, рождавшиеся то в самом городе, то по горам, то на неприятельских батареях. А надо всем происходившим на земле и на море – как сияющий ореол: *«Солнце светло и высоко стояло над бухтой, игравшей с своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселым и теплым блеском. Легкий ветерок едва шевелил листья засыхающих дубовых кустов около телеграфа, надувал паруса лодок и колыхал волны»* [Толстой 2020: 143]. Солнце становится символом надежды, несмотря на поражение и вынужденное отступление русских войск.

У С. Крейна солнце символизирует инициацию главного героя из простого фермерского мальчишки в солдата, пережившего ужас войны. Солнце – предзнаменование трагедии и кровавой бойни, нависающее злым роком. Солнечный свет окрашивает пейзаж в оранжевые и багряные агрессивные тона: *«Солнце скатилось к горизонту, и его косые бронзовые лучи озарили лес. Насекомые вдруг перестали скрежесать; казалось, они благоговейно примолкли, опустив хоботки долу. Тишину нарушал только хор*

мелодично ноющих деревьев. Внезапно в безмолвие вторгся оглушительный шум. Откуда-то издалека донесся кровожадный рев» [Крейн 1989: 55]. Природа замолкает, она равнодушна к страданиям героя, не отображает его внутренний мир, пейзаж безразличен по отношению к Генри.

Кульминацией романа является встреча с другим дезертиром, который наносит ранение Флемингу: *«Он ловко и сильно взмахнул ружьем. Удар пришелся юноше по голове»* [Крейн 1989: 74]. Эта рана становится не только *алым знаком доблести* для героя, но и деталью, которая разоблачает героический пафос. Автор подчеркивает, что порой ранения не результат или цена подвига, а глупое стечение обстоятельств или даже нечто унижительное, ложное (один дезертир ранит другого). Генри находит товарищей и, чувствуя единение с ними, вступает в бой, неся полковое знамя.

Символическое значение увечья, травмы мы наблюдаем и в финале *«Севастополя в мае»*. Штабс-капитан Михайлов осмысляет рану как награду за отвагу: *«Первое ощущение, когда он очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль в голове, становившаяся гораздо слабее <...> Он был камнем легко ранен в голову <...> а с раной остаться в деле – непременно награда»* [Толстой 2020: 66–67]. Сначала Михайлов сожалеет о том, что выжил, потом радуется этому факту, а в конце ощущает страхи желание скорее уйти на перевязочный пункт.

Михаил Козельцов, как и Володя, получает смертельное ранение. Поручик встречает смерть, радуясь мысли, что его совесть чиста, долг исполнен: *«Он с чрезвычайно отрадным чувством самодовольства подумал, что он хорошо исполнил свой долг, что в первый раз за всю свою службу он поступил так хорошо, как только можно было, и ни в чем не может упрекнуть себя»* [Толстой 2020: 150].

Важной художественной деталью в *«Севастопольских рассказах»* является контраст, антитеза между внешним и внутренним, между блеском мундиров, в которые облачен офицерский состав, и их трусость: *«веселые, добрые голоса и смех товарищей, новый мундир»*, *«Пест был в таком*

страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он шел как пьяный» [Толстой 2020: 103, 60].

Художественные детали в рассказах Л.Н. Толстого – способ реалистичного изображения войны во всех ее проявлениях: эгоизм и нарциссизм офицеров, слепая вера в победу, трусость, желание прославиться за совершенные подвиги. Л.Н. Толстой обличает офицерский состав, обращаясь к символам, антитезе и другим художественным средствам. В «Алом знаке доблести» С. Крейна встречаются схожие детали, выполняющие те же функции. Автор раскрывает тему самообмана, мужества и взросления, выдвигая на первый план нетрадиционного героя – пугливого Генри с *ложным* ранением (т.е. ранение получено не при совершении подвига, а по случайному стечению обстоятельств).

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА К УРОКАМ ЛИТЕРАТУРЫ В 8 КЛАССЕ

3.1. Методические подходы учителей русского языка и литературы к работе с понятием «психологизм»

Для анализа методических подходов в работе с литературоведческим понятием «психологизм» был рассмотрен урок литературы в 9 классе Е.А. Швецовой «Самопознание героя Лермонтова. Психологизм (по роману «Герой нашего времени»)». Учителем были поставлены следующие цели: 1) обучающиеся должны прийти к пониманию таких понятий, как «самопознание» и «психологизм» через анализ внутреннего мира Печорина, 2) обучающиеся должны развить способность анализировать художественный образ на основе внутренних монологов главного героя. Для мотивации обучающихся учитель использовал в ходе урока межпредметные связи, включив в работу музыкальную композицию из фильма «Герой нашего времени» 1967 г. (реж. С. Ростоцкий). Данный этап переходит в беседу о глубокой связи между мыслями, чувствами и состоянием человека, его внутренними переживаниями. Е.А. Швецова предлагает выйти на понятие «психологизм» через раскрытие понятия «самопознание». Учитель не дает определение самопознанию сразу, а проводит словарную работу, обучающиеся сначала пытаются трактовать термин самостоятельно, отвечают на вопросы: *«Что познает человек в себе?», «Происходят ли действия сами по себе? В чем их причина?»*, а также *«Какова в таком случае задача писателя романа «Герой нашего времени?»*» (здесь обучающиеся выясняют, что М.Ю. Лермонтов хотел раскрыть внутренний мир героя, его переживания и чувства, «историю его души»). Далее идет обсуждение композиции и причин нарушения фабулы. Таким образом, к понятию «психологизм» обучающиеся приходят через работу с понятием «самопознание». Душевное состояние героя рассматривается через анализ его дневниковых записей – один из способов проявления психологизма в

тексте. Е.А. Швецова приводит иллюстрацию «дневника»: перед учащимися схема «реализации цели героя» (цель – «проанализировать свои помыслы и чувствования как «семена и плоды» собственных действий»). Анализ этой схемы приводит к главному выводу о герое: его жизнь – эксперимент над собой и над другими. На этот вывод обучающиеся выходят после беседы об отношениях Печорина и Мэри. Далее учитель предлагает «рабочие листы» – специальную заготовку, в которой приводится «цепочка» идей-поступков Печорина, доказывающая экспериментальность его поступков. Примеры подбираются из романа. Е.А. Швецова для работы с образом героя и его внутренним миром использует прием составления «таблицы духовности»: «Любить – понимать – принимать – сострадать – помогать» с опорой на текст. Выводы обучающиеся делают в беседе с учителем о том, каким был Печорин на самом деле и почему. В качестве домашнего задания также используется рабочий лист [Швецова 2012]. Наибольший интерес, с методической точки зрения, в ходе урока представляют рабочий лист, с помощью которого обучающиеся наглядно увидели связь помыслов и поступков, определяющих внутренний мир героя, и «таблица духовности», которая помогла обучающимся увидеть, что герой сложен как образ. На данном уроке использованы и традиционные приемы, например, словарная работа и беседа. К понятию «психологизм» учитель подводит учащихся через понятие «самопознание».

В старших классах обучающиеся уже углубленно работают с литературоведческими понятиями, поэтому для анализа были отобраны разработки к урокам литературы «Психологизм романа И.А. Гончарова «Обломов»: опыт школьной интерпретации» в 10 классе авторства М.А. Алексеевой. Для углубления понятия «психологизм» на первом уроке предлагается использовать такой традиционный прием, как «комментированное чтение увертюры всего романа» – эпизода, в котором описывается сон Обломова. Данный подход, в первую очередь, позволит подробно разобрать художественные детали, которые будут важны для

анализа образа главного героя: одеяло, под которым Обломов «прячется» от реальности, халат и т. д. В ходе работы обучающиеся обнаруживают две особенности психологизма (введение внесюжетного элемента – сна Обломова и использование художественных деталей), которые с помощью комментированного чтения эпизода сна Обломова помогают понять внутренний мир героя, причины того душевного состояния, в котором он находится на протяжении большей части романа. Во сне «показывается процесс формирования душевного мира Обломова». На втором уроке обучающиеся обращаются к портретной характеристике Обломова. М.А. Алексеева предлагает использовать на этом уроке прием медленного чтения, который позволит спрогнозировать содержание произведения. Также предлагается использовать прием сопоставительного анализа мечтаний Штольца и Обломова. Сопоставление позволит обучающимся прийти к следующему: *«Что же произошло в жизни героев, если идеалы Обломова воплотил Штольц?»* На третьем уроке проходит анализ образа Ольги Ильинской. Здесь, как и на первом уроке, предлагается проанализировать детали, касающиеся героини (жесты, мимика), и детали встречи. При анализе образа девушки раскрывается и другая особенность психологизма – аналитический самоанализ посредством написания письма (Обломов пишет Ольге). Четвертый урок посвящен анализу роли Обломова в жизни других персонажей романа. Цикл уроков завершается «размышлениями о важности обретения собственного «Я»», о том, как важно встретить любовь и выбрать собственный путь в жизни. Это реализуется с помощью рефлексивной беседы [Алексеева 2013]. В работе М.А. Алексеевой предложены следующие приемы работы над углублением понятия «психологизм»: комментированное чтение, медленное чтение, сопоставительный анализ. Хотя они традиционные, однако обращение к ним целесообразно с учетом возраста обучающихся (16-17 лет).

Релевантной разработкой, которая соответствует требованиям ФГОС в полном объеме, можно назвать урок А.Б. Маскыр-оол теме «Психологизм

прозы Толстого: «диалектика души»». Тема урока формулируется не учителем, а обучающимися в ходе работы с кроссвордом, где раскрываются такие понятия, как психологизм, диалектика и душа. На этапе актуализации знаний учитель читает небольшую лекцию на 3-5 минут, во время которой обучающиеся ведут записи в тетради, выделяя самое важное. Чтобы мотивировать обучающихся к работе, учитель обращается к высказыванию Л.Н. Толстого, привлекая материалы биографии. На основном этапе А.Б. Маскыр-оол выстраивает работу с текстом на основе цитаты Н.Г. Чернышевского о «диалектике души» в прозе русского писателя. Таким образом, учитель обращается не только к историческому контексту, используя выдержки из записей писателя (письма, дневники), но и к литературной критике, что соответствует требованиям программы (в старших классах обучающиеся изучают литературу углубленно, работают с критикой и литературными терминами). Обучающиеся анализируют сцены из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Учитель задает следующие вопросы: *«Какую роль сыграла природа в жизни князя Андрея?»*, *«Какие формы и приемы психологического анализа использует автор в этих эпизодах?»*, направляя обучающихся к выводу о том, что такое психологизм и с помощью каких средств он воплощается в тексте. В качестве домашнего задания учителем предлагается письменный ответ-рассуждение на вопрос *«К какой мудрости пришел Пьер?»* (эпилог ч.1 гл. 16) [Маскыр-оол 2025].

Таким образом, на уроках литературы при работе с понятием «психологизм» учителя часто обращаются к традиционным приемам и работе с раздаточным материалом, чтобы обучающиеся могли находить приемы создания психологизма в тексте. Однако педагоги по-разному подходят к определению самого понятия: кто-то выходит на него через другие понятия (например, через «самопознание»), некоторые же обращаются к литературоведению и замечаниям критиков (например, Н.Г. Чернышевский трактовал психологизм как «диалектику души»).

3.2. Разработка технологической карты урока по литературе для 8 класса

Творчество Л.Н. Толстого, согласно Федеральной рабочей программе основного общего образования по литературе (для 5-9 классов образовательных организаций), изучается в 8 классе в разделе «Литература второй половины XIX века». Произведения писателя относятся к тематическому блоку «Повести и рассказы Л.Н. Толстого», и учителем должно быть отобрано одно произведение по выбору [Федеральная рабочая программа основного общего образования литература, 2024]. Целесообразно отобрать для урока рассказ Л.Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года» из цикла «Севастопольские рассказы», так как его можно сравнить с романом «Алый знак доблести» С. Крейна на основе поэтологического сопряжения.

В ходе урока учащиеся смогут познакомиться с описанием войны как человеческой трагедии и сопоставить изображения военных ужасов и быта солдат, осознать, что испытывать страх на поле боя – нормально для любого человека, особенно, если это молодой новобранец. Обучающиеся должны прийти к выводу, что важно верить в человека, ведь даже дезертир и трус может оказаться доблестным героем.

Разработанный материал был апробирован 15 мая 2025 г. в Муниципальном автономном общеобразовательном учреждении «Средняя школа № 149» г. Красноярск на уроке литературы в 8 «А» классе. В результате проделанной работы было отмечено, что у обучающихся возрос интерес к изучению зарубежной литературы, реализуемые приемы и методы работы показали свою эффективность в освоении.

Технологическая карта урока

Класс: 8

Тема урока: «С чего начинается доблесть?»

Тип урока: урок открытия нового знания.

Планируемые результаты:

Личностные: формирование умения соотносить поступки с принятыми этическими принципами, развитие умения анализировать и характеризовать поступки других людей, формирование понимания значимости литературы для личного развития.

Метапредметные:

- **познавательные:** формирование умения поиска и выделения необходимой информации, формирование умения смыслового чтения текстов, формирование умения сравнивать объекты, находить сходства и различия.
- **коммуникативные:** формирование умения аргументировать свою точку зрения, формирование умения слушать окружающих, формирование умения участвовать в коллективном обсуждении.
- **регулятивные:** формирование способности к целеполаганию, формирование саморегуляции эмоциональных состояний, формирование самоконтроля и самооценки.

Предметные: развитие умения анализа художественного произведения, развитие умения выразительного чтения, а также умения характеризовать и сопоставлять основных героев произведения, выявлять художественные средства создания их образов.

Методические приёмы: метод смыслового чтения, эвристический метод.

Ведущая технология на уроке: поисково-проблемная.

Дидактический материал: презентация, толковые словари русского языка, раздаточный материал с фрагментами текста из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого («Севастополь в августе 1855 года») и из романа «Алый знак доблести» С. Крейна.

Метод оценивания: в течение урока за каждый ответ обучающиеся будут получать специальные карточки, которые в конце урока приравниваются к оценке «ОТЛИЧНО» (см. Приложение Ж). Метод

оценивания отобран в соответствии с методическим подходом, практикуемым учителем русского языка и литературы МАОУ СШ № 149 Мартемьяновой Екатериной Андреевной (обучающиеся не получают оценки «УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО» и «ХОРОШО» за работу на уроке). Выбор нами этого метода объясняется также тем, что обучающиеся привыкли к определенной системе оценивания за четыре года, а также работают на уроке с усложненным материалом. Обучающиеся знакомятся с поэтикой психологизма на год раньше положенного: о психологическом романе, согласно ФРП, они узнают только в 9 классе при изучении творчества М.Ю. Лермонтова в рамках раздела «Литература первой половины XIX века» [Федеральная рабочая программа основного общего образования литература, 2024].

Этап урока	Содержание этапа (деятельность учителя)	Деятельность обучающихся	Время этапа
Орг. момент	Учитель приветствует обучающихся проверяет их готовность к уроку.	Обучающиеся заходят в класс, готовятся к уроку и приветствуют учителя.	1 мин.
Мотивация к учебной деятельности	Учитель начинает урок с того, что делится впечатлениями о просмотренном британском фильме о Первой Мировой войне «1917» (реж. Сэм Мендес). Учитель рассказывает о ключевом моменте фильма и задает обучающимся проблемный вопрос , который будет связан с темой урока: «Два юных	Обучающиеся, выслушав учителя, начинают обмениваться мнениями, аргументируя, например: «Мне больше нравится солдат, который исполнял долг, несмотря ни на что, потому что это обязанность каждого солдата на войне», «Мне	3 мин.

	<i>товарища должны в срочном порядке передать приказ полковнику в другой батальон, но им необходимо пересечь фронтовую линию, где повсюду враги и угроза жизни. Один из героев стойко идет вперед, другой же постоянно причитает и жалуется, почему для такой опасной миссии выбрали его. Как бы вы отнеслись к такому поведению? Что вы испытываете по отношению к первому и второму героям?»</i> Учитель создает проблемную ситуацию в рамках исследовательского метода и проводит фронтальный опрос, чтобы услышать мнение обучающихся (каждый ответ комментируется учителем).	<i>ближе позиция того солдата, который боялся. Он мне кажется искренним и настоящим, ведь в таких страшных условиях каждый бы испугался»</i> и т.д.	
Актуализация ранее полученных знаний	После проведенной дискуссии учитель начинает этап актуализации со слов: <i>«Сейчас мы с вами обсудили фильм про Первую Мировую войну,</i>	Обучающиеся принимают участие в блиц-опросе, быстро поднимая руку, если знают правильный ответ. Примеры ответов:	2 мин.

	<i>а недавно мы проходили произведение русского писателя, посвященное другой войне». Учитель обращает внимание детей на презентацию, где поочередно будут высвечиваться вопросы, и объявляет начало блиц-опроса (важна скорость ответа). Примеры вопросов: «Какое произведение мы проходили на прошлом уроке?», «К какому жанру, основанному на тематике произведения, относится этот текст?» и т.д. Также на слайде высвечиваются иллюстрации (см. Приложение Б), по которым обучающиеся должны вспомнить определенную сцену из рассказа «Севастополь в августе 1855 года».</i> Метод оценивания: за правильный ответ обучающиеся получают карточки (см. Приложение Ж).	<i>«Севастополь в августе 1855 года», «Военная проза» и т.д. При работе с иллюстрациями обучающиеся должны назвать сцену, которая изображена на картине. Примеры ответов: «Эта сцена из финала рассказа, где Володя погибает», «Здесь Володя прибывает в Севастополь» и т.д. За правильный ответ обучающиеся получают карточку (см Приложение Ж).</i>	
Целеполагание	Слово учителя: <i>«Итак, мы с вами вспомнили, что на прошлом уроке проходили рассказ, где главным героем был</i>	Обучающиеся предлагают свои определения слова «ДОБЛЕСТЬ». Примеры ответов:	3 мин.

	<i>отважный Володя. При характеристике таких людей часто используют слово «ДОБЛЕСТЬ». Как вы думаете, что это такое?»</i> Учитель проводит фронтальный опрос среди обучающихся. После ответов обучающихся учитель просит их обратиться к толковым словарям, которые лежат у них на парте и сравнить определение слова с их версиями (на каждой парте по одному словарю). После ответов обучающихся учитель говорит, что на этом уроке мы узнаем, с чего начинается доблесть, как человек проявляет ее, как приходит к ней.	«Я считаю, что это храбрость», «Это синоним к слову 'смелость'» и т.д. После этого обучающиеся (в парах) открывают толковый словарь и ищут слово «ДОБЛЕСТЬ». По желанию несколько обучающихся зачитывают определение и сравнивают с их ответами.	
Решение учебных ситуаций (работа с текстом) •художественное восприятие и выявление восприятия	Учитель, мастер художественного слова, предлагает обучающимся послушать отрывок из произведения, с которым они не знакомы (см. Приложение А), и	Обучающиеся внимательно слушают отрывок, который читает учитель, с закрытыми глазами, а потом по цепочке называют свои	3 мин.

	просит их закрыть глаза, чтобы погрузиться в атмосферу происходящего. Учитель выразительно читает отрывок. После чтения отрывка учитель просит обучающихся открыть глаза и по цепочке сказать, какие ассоциации у них возникли при прослушивании отрывка (этап выявления художественного восприятия). Учитель в конце опроса подводит итог и комментирует ответы обучающихся: <i>«Ребята, спасибо большое, что вы поделились своими ощущениями. У меня этот текст тоже вызвал страх и дискомфорт, я согласна с вами...»</i>	ассоциации, ощущения, которые они испытали. Примеры ответов: <i>«страх», «испуг», «дискомфорт»</i> и т.д.	
• анализ произведения	Прежде чем приступить к анализу, учитель рассказывает, что прочитанный им отрывок взят из романа американского писателя С. Крейна «Алый знак доблести», который когда-то вдохновился рассказами Л.Н.	Обучающиеся внимательно слушают задание учителя и приступают к работе с карточками. Работа проводится в парах. После этого обучающиеся в	15 мин.

	Толстого. В романе автор повествует о Гражданской войне в США 1861–1865 гг., которая началась из-за несогласия Севера с рабовладельческим строем на Юге (слово учителя сопровождается презентацией). Слово учителя: <i>«В «Алом знаке доблести» главным героем является новобранец Генри Флеминг, такой же юный, как Володя Козельцов в рассказе Л.Н. Толстого. Давайте вместе сравним два художественных текста и узнаем, в чем схожи эти персонажи, а в чем различны»</i>. Учитель распределяет раздаточный материал на 3 ряда: первый ряд работает с карточкой № 1, второй ряд – с карточкой № 2, третий ряд – с карточкой № 3 (см. Приложение В, Г, Д). Учитель объясняет задание и просит обучающихся приступить к работе в парах, озвучив время на ее выполнение (8-10	рамках эвристической метода обсуждают вместе с Учителем характеристики героев, делятся мнениями, подтверждая его цитатами из текста. За полный ответ обучающиеся получают карточку (см Приложение Ж).	
--	---	---	--

	минут, на усмотрение учителя). В рамках этой работы используется метод смыслового чтения. Учитель подходит у обучающимся, в случае затруднений направляет, смотрит на скорость выполнения задания. По окончании работы с карточками учитель опрашивает каждый ряд и фиксирует их ответы на доске. <i>Например, первый ряд анализировал фрагменты текста, где они искали страхи героев. Учитель записывает эти страхи на доске под именами главных героев.</i> За каждый полный ответ учитель выдает обучающимся карточки (см. Приложение Ж).		
Обобщение	Учитель просит обучающихся вспомнить, какие критерии анализа были выделены на карточках и просит их назвать прием в литературе, который исследует психологию человека, подводит к понятию «психологизм» (в случае затруднения учитель	Обучающиеся пытаются открыть новый литературный термин, вспоминая критерии проведенного анализа (страхи, мечты, внутренний конфликт). Далее обучающиеся читают	10 мин.

	напоминает о таких терминах, как сентиментализм, реализм и т.д.). Учитель может упомянуть, что в следующем году обучающимся предстоит познакомиться с первым психологическим романом М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». По итогам анализа учитель просит обучающихся подумать, что же потом случилось с Генри в романе: стал ли он таким же героем, как Володя, погибнув смертью храбрых, или трусливо бежал домой, как и планировал. Прежде чем ответить на вопрос, учитель просит одного из обучающихся, работавших с карточкой № 3 (см. Приложение Ж), выразительно прочитать вслух отрывок про Генри (метод творческого чтения). Далее начинается дискуссия. После беседы учитель читает вслух отрывок из финала романа (см. Приложение Е), где обучающиеся узнают	выразительно отрывок из текста (один обучающийся). После этого они выдвигают свои гипотезы, версии, прогнозируют. Далее обучающиеся внимательно слушают учителя и сравнивают свои версии с услышанным. Обучающиеся делают вывод в конце урока, отвечая на вопрос учителя. Примеры ответов: <i>«Обрести доблесть нелегко. Нужно иметь много духовных сил на это...», «В подобной ситуации, как у Генри, многие бы в его возрасте испугались. Он почти наш сверстник, мне тяжело представить, как бы я повел себя»</i> и т.д.	
--	---	--	--

	судьбу героя. Учитель спрашивает у обучающихся, какой вывод они могут сделать в конце урока. Всегда ли легко обрести ту самую доблесть? После обсуждения звучит слово учителя: <i>«В конце урока мне хотелось бы сказать, что каждый человек имеет право на ошибку. В самых экстремальных ситуациях абсолютно нормально испытывать страх. Не каждый способен стойко сражаться изначально. Важно верить в людей, поддерживать, тогда они обретут свою доблесть, придут к ней и станут героями».</i>		
Рефлексия	В конце урока учитель просит обучающихся в тетрадях написать 1-2 предложения о том, что лично их делает смелыми и сильными, как они обретают доблесть, что им помогает, легко ли им быть доблестными. Учитель благодарит обучающихся за урок и просит после звонка сдать карточки (см.	Обучающиеся в тетрадях пишут ответ на вопрос учителя. Примеры ответов: <i>«Я обретаю доблесть благодаря поддержке семьи», «Меня делает сильной мое любимое дело. Я занимаюсь танцами, и на конкурсах очень</i>	2 мин.

	Приложение Ж), чтобы выставить оценки за урок.	<i>важна моя смелость»</i> и т.д.	
Д/з	Учитель предлагает в качестве домашнего задания познакомиться с фильмом «1917» Сэма Мендеса, о котором говорилось в начале урока: <i>«Ребята, ознакомьтесь дома с этим художественным фильмом и вспомните начало урока, где я спрашивала, позицию какого солдата вы бы заняли. На следующем уроке мы с вами уделим пару минут на обсуждения финала и действий героев».</i> Домашнее задание учитель просит зафиксировать в дневнике.	Обучающиеся записывают домашнее задание в дневник.	1 мин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования нами была проанализирована поэтика психологизма в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого и романе С. Крейна «Алый знак доблести». Анализ художественных текстов позволил выявить общие художественные доминанты, а также схожесть и различие в художественных принципах двух писателей. Они раскрыли и философски осмыслили образ войны как катастрофу человечества, лишенную романтики и пафоса. Подлинная природа военных действий описана с помощью внутренних и внешних монологов, обращения к природе и пейзажу согласно принципам натурализма, сложных портретов главных героев и глубокому психологическому анализу.

Л.Н. Толстой акцентирует внимание на нравственном вопросе офицерского состава, слепо верящего в победу и собственное превосходство, С. Крейн – на динамике внутреннего преобразования дезертира, который в финале становится героем. Творчество обоих писателей, а именно «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого и роман С. Крейна «Алый знак доблести», равноправно относятся к военной прозе второй половины XIX века. Ее феномен заключается в том, что в нее включены произведения, в которых повествование организовано как на основе военного опыта (Л.Н. Толстой – участник военных действий – был офицером при обороне Севастополя), так и на основе чужих воспоминаний о пережитом военном опыте (С. Крейн при создании романа обращался к мемуарам участников Гражданской войны в США). Однако объединяет писателей их взгляд на войну как на катастрофу и трагедию, а также их тяготение к правдоподобности.

Творчество Л.Н. Толстого вписывается в русскую традицию, где один из главных акцентов – «душа». Герои севастопольского цикла объединены православным чувством соборности, они воспринимают смерть как долг и естественный итог жизни (в традиции русского склада сознания). В то же

время роман С. Крейна «Алый знак доблести» является важным произведением для американской традиции. Это глобальное осмысление национальной травмы и одновременно попытка осознать, что значит быть американцем, каковы его место и долг в условиях Гражданской войны.

В исследовании рассмотрен методический аспект. Представленные методические материалы направлены на развитие у обучающихся умения анализировать текст и формирование личного отношения к теме войны и доблести, а также способствуют подготовке к более углубленному изучению литературы в старших классах. В перспективе исследование планируется расширить в рамках магистерской диссертации, включив произведения англоязычной военной прозы конца XIX века – начала XX века, представленной творчеством Эмброуза Бирса, Себастьяна Фолкса и др. На основе проведенной аналитической работы будут разработаны методические рекомендации к урокам литературы в 9-11 классах.

Таким образом, анализируемая поэтика психологизма в исследуемых текстах не только раскрывает трагический образ войны, но и представляет собой материал, способствующий воспитанию гуманизма и нравственного самосознания у обучающихся на уроках литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Список художественных текстов

1. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. – М.: Изд. Детская литература. Серия «Школьная библиотека», 2020. – 157 с.
2. Крейн С. Алый знак доблести (перевод Э. Линецкой). – М.: Изд. Худож. лит., 1989 –140 с.

Научно-критические источники

1. Алексеева М.А. «Психологизм романа И.А. Гончарова «Обломов»: опыт школьной интерпретации» // Филологический класс. – Екатеринбург. – 2013. – №3. – С. 66–70.
2. Анастасьев Н. Американский акцент (Книга об Америке и ее литературе) – М. Худож. лит, 2015. – 440 с.
3. Анцыферова О.Ю. «Севастопольские рассказы» Льва Толстого и военная проза Стивена Крейна // Молодой Л.Н. Толстой. Сборник докладов Всероссийской научной конференции – Казань, изд. по рекомендации редакционно-издательского совета Казанского университета, 2002. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/molodoj-tolstoj-sbornik/ancyferova-sevastopolskie-rassказы.htm> (дата обращения: 22.11.2024).
4. Бочаров С.Г. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького / С. Г. Бочаров // Социалистический реализм и классическое наследие (проблема характера). – М. : Издательство художественной литературы, 1960. – С. 89–211.
5. Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы / Борис Иванович Бурсов. – Л. : Советский писатель, 1967. – 395 с.
6. Бутенина Е.М. Лев Толстой: консервативный новатор в транскультурном англоязычном контексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2016. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/lev-tolstoy-konservativnyy-novatorv-transkulturnom-angloyazychnom-kontekste> (дата обращения: 22.11.2024).

7. Бухаренкова О.Ю. Отражение исторической действительности в творчестве Л.Н. Толстого (на примере "Севастопольских рассказов") / О.Ю. Бухаренкова // Л.Н. Толстой – мыслитель, художник, педагог и современность : Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого, Орехово-Зуево, 15 мая 2011 г. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2011. – С. 60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23918091> (дата обращения: 15.09.2024).

8. Васильевская О.В. Творчество Стивена Крейна. М.: Изд. Наука, 1967 – 316 с. – С 116–147.

9. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Лидия Яковлевна Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1977. – 448 с.

10. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А.Б. Есин. – М. : Флинта, 2008. – 248 с.

11. История русской литературы. В 4-х томах. Т. 3. Расцвет реализма. Под ред. Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков. Изд. Академия Наук СССР. Институт Русской Литературы (Пушкинский дом). – 1961. – 880 с.

12. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е го; пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т 1. 1968. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 413 с.

13. Литературная история Соединенных штатов Америки. В 3-х частях. Т. 2. Под ред. Р.Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. Пер. с англ. В. Топоровой. МОСКВА, «ПРОГРЕСС» – 1978. С. 364–377. URL: https://imwerden.de/pdf/literaturnaya_istorya_usa_tom2_1978.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

14. Литературная история Соединенных штатов Америки. В 3-х частях. Т. 2. Под ред. Р.Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. Пер. с англ. В. Топоровой. – М.: «ПРОГРЕСС» – 1979. С. 106–113. URL:

https://imwerden.de/pdf/literaturnaya_istorya_usa_tom3_1979.pdf

(дата

обращения: 15.09.2024).

15. Маскыр-оол А.Б. Урок литературы в 10 классе Психологизм прозы Толстого: «диалектика души». – Баян-Кол. – 2025. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2025/03/26/urok-po-literature-v-10-klasse-psihologizm-prozy-tolstogo> (дата обращения: 24.04.2025).

16. Масолова Е.А. Становление эпического в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-epicheskogo-v-sevastopolskih-rasskazah-l-n-tolstogo> (дата обращения: 23.09.2024).

17. Миколайчик М.В. Художественный психологизм и его место в системе литературоведческих терминов и понятий // Вопросы русской литературы. – 2014. – №29 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-psihologizm-i-ego-mesto-v-sisteme-literaturovedcheskih-terminov-i-ponyatiy> (дата обращения: 01.04.2025).

18. Панова О.Ю. Стивен Крейн: критика благопристойной морали // Разрыв и связь времен. Проблемы изучения литературы рубежа XIX-XX веков. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 507–508.

19. Пинчукова Т.П. Натурализм в американской литературе XX в / Т.П. Пинчукова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2018 г. : материалы научно-методической конференции, Могилев, 2019 г. / под редакцией Е. К. Сычовой. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – С. 63–64. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41040320> (дата обращения: 15.09.2024).

20. Писатели США Краткие творческие биографии. Сост. и общ. редакция Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М.: Радуга, 1990. – 624 с. URL: https://imwerden.de/pdf/pisатели_usa_kratkie_tvorcheskie_biografii_1990__ocr.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

21. Полуэктова Т.А. Крымская война (1853–1856) в русской и английской литературах: цикл Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы» и роман Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи» // Литературная компаративистика: Практикум / авт.-сост. С.Г. Липнягова, Т.А. Полуэктова, Н.С. Шалимова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. – С. 34–64.

22. Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века: Монография. – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. – 448 с.

23. Толковый словарь русского языка. Под. ред. Д.Н. Ушакова.: В 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. ФЭБ: русская литература и фольклор / feb-web.ru. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 17.11.2024).

24. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Литература (для 5-9 классов образовательных организаций). – М.: Институт стратегии развития образования, 2024. – 128 с.

25. Федотов В. Быль и сказки Гаршина // Нева. – 2012. – № 7. – С. 210–221.

26. Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого / Н.Г. Чернышевский // Л. Н. Толстой в русской критике: сб. ст. ; вступ. ст. и примечания С. П. Бычкова. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 91–105.

27. Швецова Е.А. Урок литературы в 9 классе «Самопознание героя Лермонтова. Психологизм (по роману «Герой нашего времени»)». – Ноябрьск. – 2012. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2012/03/27/urok-51-samopoznanie-geroya-lermontova-psikhologizm-po-romanu> (дата обращения: 24.04.2025).

28. Щербакова М.И. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого как документ эпохи // Два века. – 2023. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sevastopolskie-rasskazy-l-n-tolstogo-kak-dokument-epochi> (дата обращения: 23.09.2024).

29. Berryman J. Stephen Crane. Meridian. – New York, 2001. – 372 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Отрывок из романа С. Крейна «Алый знак доблести» (1894–1895)

Юноша присоединился к раненым и дальше пошел вместе с ними. Искалеченные тела этих людей говорили о той страшной машине, которая их так перемолотила.

Иногда в толпу врывались скачущие верхом адъютанты и ординарцы, раненые отбегали в стороны, осыпая всадников проклятиями. Сквозь печальную процессию то и дело быстрым шагом проходили вестовые, а иногда ее с лязганьем и стуком взрезали мчащиеся батареи; при этом офицеры орали и требовали быстрее очистить путь.

Рядом с юношей медленно брел оборванный солдат, с ног до головы в пыли, запекшейся крови и пороховой гари. Он со смиренным доверием слушал бородатого сержанта, который повествовал об ужасах сражения. На худом лице оборванного застыло выражение страха и восторга. Вот так парень в деревенской лавке слушает, стоя среди сахарных голов, всякую небывальщину. На рассказчика он смотрел с молитвенным восхищением и разинутым ртом. Настоящий деревенский облом.

<...>

Немного выждав, он присоседился к юноше и стал делать неловкие попытки завязать дружеский разговор. Голос у него был девически-нежный, взгляд – просительный. Юноша с удивлением отметил про себя, что его спутник дважды ранен: голова у него была обмотана окровавленной тряпкой, простреленная рука висела, как сломанная ветка.

Иллюстрации В.П. Высоцкого к «Севастопольским рассказам»
Л.Н. Толстого (1969)

КАРТОЧКА № 1

МЕЧТЫ ГЕРОЕВ

1. Внимательно прочитайте отрывки из двух произведений.
2. Найдите в текстах фрагменты, в которых вы нашли отражение мечтаний героев. Подчеркните эти фрагменты карандашом или ручкой / выделите маркером.
3. Подготовьте **полный ответ**, опираясь на следующие вопросы: *О чем мечтают главным герои? С помощью каких художественных средств автор описывает их мечты? В чем схожи, а в чем различны мечты Володи и Генри?* Дополните ответ **цитатами** из текста, чтобы аргументировать свою точку зрения.

Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года»

– Неужели это уж Севастополь? – спросил меньшой брат, когда они поднялись на гору и перед ними открылись бухта с мачтами кораблей, море с неприятельским далеким флотом, белые приморские батареи, казармы, водопроводы, доки и строения города, и белые, лиловатые облака дыма, беспрестанно поднимавшиеся по желтым горам, окружающим город, и стоявшие в синем небе, при розоватых лучах солнца, уже с блеском отражавшегося и спускавшегося к горизонту темного моря.

Володя без малейшего содрогания увидал это страшное место, про которое он так много думал; напротив, он с эстетическим наслаждением и героическим чувством самодовольства, что вот и он через полчаса будет там, смотрел на это действительно прелестно-оригинальное зрелище, и смотрел с сосредоточенным вниманием до самого того времени, пока они не приехали на Северную, в обоз полка брата, где должны были узнать наверное о месте расположения полка и батареи.

С. Крейн «Алый знак доблести»

Он лег на широкую скамью, занимавшую весь дальний конец лачуги. Напротив, в другом конце возле очага, громоздились ящики из-под галет. Они заменяли стол и стулья. Одну из бревенчатых стен украшала картинка, вырезанная из иллюстрированного журнала, на колышках, параллельно друг к другу, лежали три ружья <...>

Юноша был потрясен. Значит, их все-таки отправят на передовую. Быть может, уже завтра грянет бой, и он примет в нем участие. Поверить этому было отнюдь не просто. Он не мог вот так сразу привыкнуть к мысли, что очень скоро станет действующим лицом в одном из огромных мировых событий.

Ну разумеется, он всю жизнь мечтал о битвах, о каких-то кровавых схватках и, волнуясь, рисовал себе вспышки выстрелов и сумятицу сечи. Мысленно он уже побывал во многих битвах. Народы, думал он, будут благоденствовать, охраняемые его неусыпной отвагой.

Ответ:

КАРТОЧКА № 2

СТРАХИ ГЕРОЕВ

1. Внимательно прочитайте отрывки из двух произведений.
2. Найдите в текстах фрагменты, в которых вы нашли отражение страхов героев. Подчеркните эти фрагменты карандашом или ручкой / выделите маркером.
3. Подготовьте **полный ответ**, опираясь на следующие вопросы: *Чего боятся главные герои? Как они себя ощущают? Почему они не могут заснуть? С помощью каких художественных средств автор описывает их страхи? В чем схожи, а в чем различны страхи Володи и Генри?* Дополните ответ **цитатами** из текста, чтобы аргументировать свою точку зрения.

Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года»

Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному, безотрадному состоянию, в котором находилась душа его. Ему захотелось заснуть и забыть все окружающее, а главное – самого себя. Он потушил свечку, лег на постель и, сняв с себя шинель, закрылся с головою, чтобы избавиться от страха темноты, которому он еще с детства был подвержен. Но вдруг ему пришла мысль, что прилетит бомба, пробьет крышу и убьет его.

«Ну что, ежели вдруг ночью возьмут Севастополь и французы ворвутся сюда? Чем я буду защищаться?» Он опять встал и походил по комнате. Страх действительной опасности подавил таинственный страх мрака. Кроме седла и самовара, в комнате ничего твердого не было. «Я подлец, я трус, мерзкий трус!» – вдруг подумал он и снова перешел к тяжелому чувству презрения, отвращения даже к самому себе. Он снова лег и старался не думать.

С. Крейн «Алый знак доблести»

Юноша с особенной остротой почувствовал полное одиночество, когда его разобиженный товарищ исчез из виду. Попытка найти хоть намек на общность мыслей провалилась, и теперь ему стало еще хуже, чем раньше. Как видно, эта проклятая неуверенность в себе только его и терзает <...> Он побрел к своей палатке и растянулся на одеяле рядом с похрапывающим долговязым. В темноте перед ним заплесало видение тысячеязыкого страха, который до тех пор будет бубнить ему одно и то же, пока он не удерет, меж тем как другие хладнокровно исполняют все, порученное им страной. Он не скрывал от себя, что не справится с этим чудовищем. Чувствовал – каждый его нерв превратится в ухо, внимающее голосам страха, тогда как другие солдаты останутся глухи к ним и невозмутимы. От этих мучительных мыслей он обливался потом <...>

После переправы юноша уверил себя, что на них из хмурых пещер леса внезапно и грозно ринутся вражеские полчища. Он настороженно вглядывался в темноту.

Ответ:

КАРТОЧКА № 3**ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ ГЕРОЕВ**

1. Внимательно прочитайте отрывки из двух произведений.
2. Найдите в текстах фрагменты, в которых вы нашли внутреннего конфликта героев. Подчеркните эти фрагменты карандашом или ручкой / выделите маркером.
3. Подготовьте **полный ответ**, опираясь на следующие вопросы: *О чем беспокоятся главные герои? Что их волнует? Как они себя ведут в сложившейся ситуации? Чем выбор Володи отличается от выбора Генри?* Дополните ответ **цитатами** из текста, чтобы аргументировать свою точку зрения.

Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года»

Володя вместе с Влангой, который ни на шаг не отставал от него, вылез из блиндажа и побежал на батарею. Артиллерийской стрельбы ни с той, ни с другой стороны совершенно не было. Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера возбудил его. *«Неужели я могу быть похож на него?»* – подумал он и весело подбежал к брустверу, около которого стояли его мортирки. Ему ясно видно было, как французы бежали к бастиону по чистому полю и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях <...> *«Первое! второе!»* – командовал Володя, перебегая в дыму от одной мортиры к другой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близкая трескотня ружей нашего прикрытия и суетливые крики.

С. Крейн «Алый знак доблести»

Если армия потерпит поражение, он, юноша, будет полностью оправдан. А то, что он удраг первый с поля боя, в общем, можно счесть доказательством его редкостной дальновидности. Пророк, предсказывающий наводнение, должен первый вскарабкаться на дерево. Только так он докажет людям, что поистине наделен ясновидением <...>

Победа армии сулит ему гибель <...> Ему придется отгородиться от всех и существовать в полном одиночестве. Если солдаты сейчас наступают, их равнодушные ноги топчут его чаяния на достойную жизнь.

Он как мог боролся с этими мыслями, мелькавшими у него в мозгу, пытался их отогнать. Именовал себя негодяем <...> видел поле, устланное окровавленными телами, и называл себя убийцей. Тут он вновь подумал, что лучше всего было бы умереть.

Ответ:

Отрывок из романа С. Крейна «Алый знак доблести» (1894–1895)

Солдаты бежали как в горячечном бреду, неслись так, словно спешили с налету победить, пока еще не улетучился бодрящий хмель. По зеленой траве под сапфировым небом толпа людей в пропыленных и разорванных синих мундирах очертя голову неслась к смутно видневшейся сквозь дым изгороди, откуда в них летели злобные плевки из вражеских ружей. Высоко подняв сверкающее на солнце знамя, юноша мчался во главе полка. Свободной рукой он делал какие-то неистовые вращательные движения, выкрикивал нечленораздельные слова, призывал, уговаривал тех, кто не нуждался в уговорах, ибо все это скопище, все эти синемундирные солдаты, которые неслись, подставив себя под смертоносные ружья, вновь были охвачены яростным восторгом самоотречения. На них был направлен огонь такой мощи, что, мнилось, все они до единого полягут трупами на траву между исходной своей позицией и изгородью. Но в этот момент – быть может, потому, что была полностью забыта вся житейская суета, – они отдались во власть исступленному безрассудству и являли пример несравненного бесстрашия. Не существовало больше ни сомнений, ни расчетов, ни раздумий. Никто, судя по всему, ни от чего не увиливал. Казалось, быстрые крылья их стремлений вот-вот ударятся о железные врата невозможного.

